

**ГОСТЬ**

**13 страницы**

**ВЫПУСК**

468-й

Три года назад Франция впервые услышала Патрисию Каас. Один музыкальный критик назвал ее «Золушкой парижской эстрады». Что ж, как и в сказке, эта Золушка быстро превратилась в принцессу: была удостоена нескольких самых престижных премий Франции и титула лучшей исполнительницы года. Недавно Патрисия гастролировала в Москве и в Ленинграде, и сейчас она снова в пути. С одинаковым уважением к зрителям она выходит на ведущие сцены мира и на сельскую эстраду. Мы встретились с ней после концерта, который Патрисия давала во французской деревушке Прадель, в провинции Овернь, с открытой площадки. И я пригласил ее на 13-ю страницу.

— Как же это получилось, Патрисия, что вы молниеносно стали самой популярной певицей во Франции, да и во многих других странах?

— Для меня самой это было полной неожиданностью. И восторженным приемом, какой мне устроили в Москве и Ленинграде, я тоже приятно удивлена. Каждый из моих восьми концертов в СССР собрал по 15 тысяч человек — чрезвычайно много по нашим меркам. На Западе так принимают только суперзвезд, скажем, «Пинк Флойд» или «Роллинг Стоунз». Публика у вас совершенно иная, нежели на Западе, — более щедрая, более непосредственная и благодарная. Но вместе с тем более скованная. Ее, как мне показалось, труднее расшевелить... Никогда прежде не преподносили мне столько цветов и подарков, не оказывали столько трогательных знаков внимания, как в вашей стране. И все говорили: «Приезжайте еще и еще!» Надеюсь снова приехать в СССР в 1992 году.

— Вам 23 года, но уже 15 лет вы на сцене. Как это началось так рано?

— Как-то само собой, в восемь лет... Моя мама, по происхождению немка, прежде немногo играла в театре; поэтому она и хотела, чтобы кто-нибудь из ее семи детей стал артистом. Однажды знакомый музыкант сказал ей, что у меня есть голос и слух. Наши друзья образовали оркестрик, и с ним я стала выступать у нас в Лотарингии, чаще всего — в Форбаке, где я родилась, а также в соседней Германии: пела и танцевала. В двенадцать лет выхожу на подмостки три раза в неделю. В немецких кабаке петь было очень трудно: там собираются любители пива, которым в сущности нет дела до того, что происходит на сцене; на меня они смотрели, словно на какую-то марионетку...

— Ваш отец всю жизнь работал в шахте. Может быть, выступать вам приходилось ради заработка?

— Нет, на сцену меня толкнула вовсе не нужда. Да и зарабатывала я тогда сущие пустяки и все тратила на себя. Да и сейчас родители, когда я им предлагаю деньги, отказываются: нет надобности. Они верят в мое призвание и рады за меня.

— Кто учил вас петь? Давал уроки танцев?

— Многим я обязана маме. Многому научилась сама. Главной моей творческой школой стала сцена. Вначале выступления были для меня просто игрой, со временем стали потребностью.

— Продюсер вашей первой

пластинки — Жерар Депардьё. Как вы с ним стали сотрудничать?

— В Париже я познакомилась с композитором Франсуа Бернеймом; позднее он написал почти все, что я теперь исполняю. В том числе сочинил для меня музыку на стихи Элизабет Депардьё, жены Жерара. Представляете, вдруг звонит телефон, снимаю трубку и слышу: «Здравствуйте, Патрисия, говорит Жерар Депардьё». Я решила, что кто-то меня разыгрывает... Но пластинка, увы, успеха не имела, разве что помогла мне найти свой жанр, утвердиться в своей манере.

— Многие говорят, что внешне вы очень похожи на юную Марлен Дитрих, а голосом — на Эдит Пиаф. Лестные сравнения, не правда ли?

— Лестные, конечно... На первых порах любого нового певца или актера публика с кем-нибудь сравнивает. Мне было приятно, когда критики и журналисты находили, что я напоминаю великую Марлен и великую Эдит. Но ведь важнее, чтобы вас ценили не за схожесть с кем-то, а за то, что вы сами собой представляете. Личность вы или нет. Второй Пиаф и второй Дитрих не будет. Осознавая это, я хочу существовать как Каас.

— Ну а роль «звезды» — тяжелая ноша?

— И «звездой» быть не хочу. Надеюсь, что я — актриса, которая поет. Успех эфемерен, каждый раз, выходя на сцену, его нужно завоевывать заново. Я готова и к неудачам. Ну а настоящая «звезда» долго «светит» на сцене или на экране. Стать таковой совсем не просто... Стараюсь не утратить свои корни, когда появляется возможность, еду хотя бы на несколько дней в свой любимый Форбак. Мне нравятся люди простые, естественные, чрезвычайно претит всякая претенциозность. Какая же я «звезда»?

— Вы на сцене создаете какой-то определенный персонаж или выражаете в песнях самое себя?

— Мой сценический образ весьма отличается от меня в жизни. Но это не значит, что я постоянно кого-то играю. По натуре застенчивая, я, выходя на публику, чувствую себя более непринужденно. Не пытаюсь обязательно что-то или кого-то изобразить, дабы нравиться зрителю.

— И мне все равно, сколько человек меня слушает — полтора или пятнадцать тысяч. Репертуар достаточно разнообразен, это и французские песни, и блюзы, и рок, и джазовые вещи... — С вами работает целая команда: сочиняют музыку, пишут слова. Надо полагать, они дают вам советы. Прислушиваетесь вы к их мнению?

— Прежде чем принять важное решение, всегда интересуюсь мнением окружающих меня коллег, но последнее слово — за мной. Не ставлю перед собой какие-то великие задачи. Впервые еду на концерт в Париж, я вовсе не собиралась покорять столицу. Просто хотелось петь. Это судьба благоволит мне.

— Но теперь ваша жизнь — сплошные гастроли...

— Уже сейчас я понимаю, до чего быстро летит время. Но — выбор сделан. И он приносит мне бесценные моменты радости. Пока мне очень по душе жизнь, проходящая в бесконечных турне. Теперешние гастроли продлятся год. Бельгия, Швейцария,

Советский Союз, Марокко, Тунис — это уже позади. Сейчас — серия концертов во французской провинции, а потом Канада, Германия, Япония, Антильские острова и даже остров Реюньон.

— Есть ли в ваших песнях обращение к слушателям, выражающее кредо?

— Нет. В первых песнях я безыскусно рассказывала о себе. Теперь пытаюсь передать главным образом чувства и переживания, свойственные многим. Я прощу, чем могу казаться.

— Один из ваших дисков называется «Мой мужчина». Каким вы его представляете?

Тем не менее, если хочу купить себе новое платье, то мне безразлично, сколько оно стоит... Плевое отношение к деньгам объясняется, наверно, тем, что я росла в семье, где их никогда много не было, но их отсутствие с лихвой компенсировалось духовными ценностями. Недостаток средств не мешал нашей семье быть счастливой. Конечно, я придаю огромное значение женственности и ее внешним атрибутам — одежде, причёске, косметике, духам. Но, повторяю, деньги, материальное благообразие — для меня далеко не главное в жизни.



**PATRICIA KAAS**

— Внешность особой роли не играет. Очень красивые люди обычно бывают пустыми. Мужчине прежде всего нужен характер; мне важен его образ мышления, его взгляды. Ценю галантность, элегантность в поведении. Предъявляю массу других требований, по-видимому, слишком высоко поднимая планку, поэтому до сих пор никем не увлеклась всерьез.

— Но не собираетесь же вы посвятить себя исключительно сцене?

— Живу пока сегодняшним днем, и мне просто некогда, да и не хочется заглядывать в завтрашний. Знаю, что в творческой судьбе неизбежны падения, готова к этому. Последнее время меня стали доминировать вопросы: когда выйду замуж, сколько у меня будет детей? Скажу откровенно: семья для меня имеет исключительное значение, но замуж я выйду только лет через пять. Детей у меня будет трое.

— Как относитесь к деньгам? — Разумеется, зарабатываю я неплохо, но не чрезмерно: ведь не я пишу слова и сочиняю му-

мимо профессиональных) интересы?

— Пока я на гастролях, жизнь состоит из репетиций, концертов, переездов из страны в страну, из отеля в отель. На то, чтобы смотреть телевизор, меня не хватает. И читаю, увы, мало. Редкие свободные часы провожу со своими друзьями, то есть с теми, с кем работаю. Нас связывают и профессиональные, и дружеские отношения. Но в сущности я человек одинокий. Наверно, потому, что мне всегда приходилось и приходится общаться с людьми старше себя. В детстве мне было неинтересно со сверстниками, да и они меня не любили.

— Ходят слухи, будто одно время вы увлекались туризмом?

— Но не для того, чтобы накачать мускулы, а чтобы быть в хорошей форме. В течение двух часов на сцене я бегаю и прыгаю, это немалая физическая нагрузка. Хотите, признаюсь в одной слабости? Моя страсть — покупать наряды. Впрочем, в этом я совершенно не оригинальна.

— Испытываете ли вы когда-нибудь профессиональную ревность? Скажем, до самого последнего времени ваша пластинка занимала первое место в списке 50 популярнейших дисков Франции, но на днях вас обошла группа «Зук машин». Обидно?

— Ничуть. Совершенно нормальный процесс. Мои пластинки «Мадмуазель поет блюзы» и «Сцена жизни» долго лидировали в списках бестселлеров, разошлись каждая тиражом более миллиона экземпляров, но рано или поздно они должны были уступить лидерство. Ревность и зависть в нашем ремесле существуют, но, кажется, я лишена этих чувств. Вообще отношусь к популярности спокойно. Мне важно, чтобы сегодня, сейчас, на этом конкретном концерте мы с залом полюбили друг друга и вместе радовались нашему контакту.

— Среди популярных певцов или певиц у вас есть друзья?

— Друзей нет, но с большинством из них у меня отношения хорошие. Правда, видимся мы лишь в телестудиях. Никогда с ними не хожу в рестораны и не провожу как-то иначе свободное время... Как личность из всех наших певцов на меня наибольшее впечатление произвел Из Монтан. Мы с ним пели дуэтом в одной телепередаче, и меня очень тронуло то, как он, известный певец и актер, просто и естественно общался с окружающими. В Монтане много очарования, и вместе с тем он — сильный человек.

— А как вы относитесь к Мирей Матье, которую называют наследницей Эдит Пиаф?

— В детстве я пела ее песни. Не так уж много в мире певиц, которые действительно умеют петь. Она умеет... Но теперь не могу сказать, что я от нее в восторге. Однажды я встретилась с Мирей вне телестудии, и она показала мне довольно претенциозной...

— Французские певцы нередко пробуют свои силы в кино: Жак Брель, Из Монтан, Шарль Азнавур, Джонни Холлидей, совсем юная Ванесса Паради. А вас мы увидим на экране?

— Очень хотела бы сыграть в кино. Несколько предложений уже получила, причем от известных режиссеров, пока от всех отказалась: надо аккуратно завершить нынешнее гастрольное турне. Но в принципе готова сыграть роль в кино. Серьезную драматическую роль. А начать сниматься лучше в приключенческом фильме, не правда ли?

— Вы «не очень верующая», а как насчет суеверий? Стараются ли избежать числа 13?

— И не суеверна, и числа 13 не боюсь. Может быть, по молодости лет?

Гостью расспросил Юрий КОВАЛЕНКО, соб. корр. «Известий». Париж.

Фото Я. Титова.

— Вы верующая или атеистка?

— Едва ли я могу считать себя глубоко верующей. Искренне верю в любовь двух людей.

— Ваша родня так и живет в Форбаке?

— Родители, братья и сестра — мои первые зрители и слушатели. Мне нужны по-прежнему их любовь и поддержка. Когда я устаю, что-то не ладится, стремлюсь домой в Форбак. Там я, как Антей от земли, обретаю новые силы.

— Каковы ваши прочие (по-